

Ранним утром следующего дня Вэй Усянь крепко спал, но тут прибежал Цзинь Лин, приволок с собой медный гонг и прямо у его кровати зазвенел: брынь-брынь-брынь! Вэй Усянь испуганно вскочил со сна, сиганул с постели и завопил:

— Что случилось, что случилось, стряслось чего?

Цзинь Лин швырнул гонг на стол:

— Какой нынче час, а ты всё дрыхнешь! Живо вставай!

Вэй Усянь протер сонливые глаза, взгляделся и, наконец узнав пришедшего Цзинь Лина, сразу выдохнул и снова шмякнулся обратно на ложе:

— Цзинь Лин, еще же рано. Ну хороший мой Цзинь Лин, дай мне еще поспать чуть-чуть, а? Милый, ну пожалуйста. — С этими словами он снова завалился спать.

Цзинь Лин, увидев это, снова схватил гонг и изо всех сил ударил по нему пару раз. Вэй Усянь, зажав уши руками, приподнялся и обреченно спросил:

— Цзинь Лин, чего тебе от меня надо?

Цзинь Лин ответил:

— Цзюцзю велел тебе вставать и идти муштровать адептов.

— Ой, а, что, он что, сдурел? — Вэй Усянь вмиг протрезвел, вытаращил глаза и взвыл: — Разве это не его работа, с какой стати мне ее выполнять?

Цзинь Лин, глядя на реакцию Вэй Усяня, остался очень доволен:

— Цзюцзю сказал: раньше он слишком потакал тебе, из-за чего у тебя вовсе не осталось ответственности перед Пристанью Лотоса. А раз уж ты вернулся, то должен взвалить на себя обязанности старшего ученика Юньмэна. Два героя Юньмэна — это тебе не то, от чего можно отмахнуться просто потому, что нарушил слово.

Услышав это, Вэй Усянь плашмя замертво рухнул обратно на постель и испустил жалобный вопль:

— О небеса, да кто-нибудь спасет меня?!

Цзинь Лин не удержался и чуть скривил губы в улыбке:

— Подумаешь, встать пораньше, чего так убиваться? — Он покачал головой и крикнул за дверь:
— Эй там, подайте моему старшему дяде воду умыться!

Вэй Усянь мгновенно умолк. Стоп, что сейчас сказал Цзинь Лин? Старшему дяде? Он скосил голову на Цзинь Лина и недоверчиво переспросил:

— Ты... что сейчас сказал?

Цзинь Лину это показалось странным, но он ответил:

— Да я же говорю, встать пораньше...

— Нет, последнюю фразу.

— Эй там...

Тут Цзинь Лин сообразил: только что он по неосторожности и впрямь брякнул про старшего дяди. Его мочки ушей вспыхнули ярким алым пламенем. Задрав подбородок и изображая напускную горделивость, он громко возразил:

— Я... я вовсе не называл тебя старшим дядей! Это ты со сна услышал невесть что!

Вэй Усянь посмотрел на его покрасневшие кончики ушей и лукавое выражение лица человека, который сам себя выдал, и понял, что это обращение вырвалось у подростка на подсознательном уровне. Уголки его губ изогнулись в насмешливой улыбке:

— Вот как?

Цзинь Лин принялся пятиться назад, растерянный и сбитый с толку:

— Конечно! Бегом марш на тренировочную площадку! — Он как раз дотянулся до дверей, резко развернулся и бросился наутек.

Вэй Усянь не спеша привел себя в порядок и неторопливо направился на плац. Все уже были на месте: даже Лань Ванцзи и Не Хуайсан чинно стояли со своими адептами. Увидев это, Вэй Усянь стрелой помчался к Лань Ванцзи, чуть в него не врезавшись, но в последний момент успел затормозить. Ухватившись за рукав Лань Ванцзи, он ласково заканючил:

— Лань Чжань, спасай меня! Подняли спозаранку, да еще заставляют учеников муштроваться. Я же между прочим раненый!

Лань Ванцзи посмотрел на него полным нежности взглядом и произнес:

— Вэй Ин, не балуйся.

Увидев, что Лань Ванцзи даже не собирается за него заступаться, Вэй Усянь сник, надул щеки и отвернулся:

— Эй, Лань Чжань, ты совсем не помогаешь! Ты вообще на чьей стороне? Смотри у меня, возьму и сбегу из дома.

Лань Ванцзи посмотрел на Вэй Усяня, затем окинул взглядом остальных. Сбежать из дома — пусть даже это прозвучало в шутку, Лань Ванцзи не мог вынести даже мысли об этом. Шестнадцать лет ожидания, тринадцать лет вопрошания духов к ряду — и вот, когда он наконец дождался, разве он позволит омрачить хоть малейшей тенью их воссоединение?

Поэтому он обратился к Цзян Чэну:

— Цзян Цзунчжу, давайте отложим тренировку на другой раз.

Вообще-то Цзян Чэн и не собирался заставлять Вэй Усяня всерьез обучать адептов, он лишь хотел немного сбить с него спесь и разогнать лень. К тому же раз уж Лань Ванцзи замолвил словечко, нельзя было не проявить уважение хотя бы наполовину.

Поэтому он сказал Вэй Усяню:

— Раз уж Заклинательский Владыка замолвил за тебя слово, на сегодня так и быть.

Вэй Усянь тут же расплылся в улыбке, но следом прозвучал голос Цзян Чэна:

— Отмена тренировки не значит, что ты можешь целыми днями бездельничать. Бамбуковый лес на задней горе Пристани Лотоса давно никто не очищал от скверны мечом, пойдешь со мной на заднюю гору, упражняться в фехтовании.

Улыбка на лице Вэй Усяня мгновенно застыла.

— А-а-а... — снова вырвался у него стоп.

Не Хуайсан стоял неподалеку, обмахиваясь складным веером и наблюдая за представлением. Он неторопливо приблизился, подтрунивая:

— Брат Вэй, гляжу я на твою жалостливую физиономию — так и быть, поделюсь с тобой двумя

коробочками свежеприготовленных пирожных из лotosовых листьев, подкрепишься, глядишь, и появятся силы мечом махать.

Лань Цзин И, услышав про тренировку с мечом, тут же подскочил:

— Старший Вэй, мы с Сычжунем тоже пойдем на заднюю гору посмотреть! Заодно поучимся фирменному стилю фехтования Юньмэна!

Цзинь Лин непонятно когда вернулся, стоял за толпой и хмуро буркнул:

— Я тоже пойду.

Цзян Чэн сорвался с помоста вниз, Цзыдянь легко обвился вокруг его запястья. Уставившись на Вэй Усяня, он бросил:

— Чего возишься? Пошли.

Лань Ванцзи подошел ближе и тихо сказал:

— Я пойду с тобой.

Тут выскочила я:

— Братец Вэй, я тоже с тобой! Я давно слышала, что у тебя выдающиеся таланты, я в тебя верю, давай, поднажми! — Я изобразила жест поддержки и ободрения.

Вэй Усянь слабым голосом произнес:

— Премного благодарен, девушка Су.

— Братец Вэй, к чему такие формальности, зови меня просто Су Цин.

Я с улыбкой подошла и встала рядом с Цзян Чэном. Вчера я перебрала вина, и всё, что было потом, начисто вылетело из головы. Говорили, что на себе меня тащил он, отчего мне стало немного неловко, и я незаметно придвинулась к нему на полшага ближе.

Боковым зрением Цзян Чэн бросил на меня взгляд, виду не подал, но шаги слегка замедлил и больше никого не торопил.

Не Хуайсан, покачивая веером, плелся следом, и его легкий смешок донесся издалека:

— А девушка Су у нас заботливая. Брат Вэй, раз за тобой пошла такая толпа зрителей, грех жаловаться, должен быть доволен.

Вэй Усянь с кислым выражением лица одной рукой уцепился за рукав Лань Ванцзи, волоча ноги и бормоча себе под нос:

— Доволен чем? Другие мечом махают ради забавы, а я — как на каторгу иду. Цзян Чэн никогда не щадит, кто знает, сколько раз меня сейчас отоварят.

— Меньше болтай.

Цзян Чэн обернулся, бросив на него грозный взгляд, и легко щелкнул Цзыдянем на запястье:

— А кто это в прошлые годы целыми днями приставал ко мне с поединками, а проиграв, валялся на земле и устраивал балаган?

Это воспоминание задело прошлое, и Вэй Усянь мгновенно осёкся. Он почесал затылок, глуповато хихикнул и перестал ворчать.

Вся процессия по узкой синей тропинке двинулась в бамбуковую рощу на задней горе. Утренний ветерок колыхал заросли зеленого бамбука, срывая мелкие листья, и воздух наполнялся ароматом свежей зелени и лотосов. Сычжуй и Цзин И о чем-то тихо шептались, Цзинь Лин шел сбоку в одиночестве, то и дело украдкой поглядывая на Вэй Усяня и от воспоминания о только что вырвавшемся «старшем дяде» снова чувствуя, как уши начинают гореть.

Вскоре они вошли в бамбуковую рощу на задней горе. Густые кроны изумрудного бамбука заслоняли солнце, оставляя в центре ровную площадку из серого камня — здесь они с Цзян Чэном в юные годы целыми днями напролет устраивали поединки на мечах, и на камне до сих пор сохранились неглубокие царапины от скрещивавшихся тогда клинков.

Цзян Чэн вытащил Саньду, от холодного блеска меча вехнуло стужей:

— Начинаем.

Делать было нечего, Вэй Усянь поднял руку и сжал воздух в кулаке: золотого ядра у него не было, собственного меча тоже, так что отражать удары приходилось голыми руками. Увидев это, Цзян Чэн швырнул в его сторону Суйбянь:

— Твой меч.

Лезвие приятно холодило ладонь, на сердце у Вэй Усяня потеплело, большая часть прежнего

нежелания рассеялась. Он взвесил длинный меч в руке и с удивлением произнес:

— А я-то думал, ты притворяешься бессердечным.

Цзян Чэн фыркнул и первым пошел в атаку. Его движения были стремительными и жесткими — чистый стиль клана Юньмэн Цзян: быстро, точно и безжалостно. Вэй Усянь поспешно вскинул меч для защиты, и по бамбуковой роще разнесся звонкий стук скрестившихся клинков.

Цзин И и Сычжуй замерли неподалеку, не отрывая глаз от поединка и то и дело восхищенно ахая; Цзинь Лин стоял скрестив руки на груди, неотступно следя за двумя дерущимися фигурами; Не Хуайсан отыскал чистый валун, уселся на него и, распаковав захваченные пирожные из лотоса, принялся неторопливо лакомиться, со стороны наблюдая за всем с полнейшим удовольствием.

Я примостилась рядом с Не Хуайсаном, небрежно вытащила одно из его пирожных и захрустела им, переводя взгляд на кружащиеся фигуры. Раньше я только слышала о славе двух героев Юньмэна, а сегодня впервые увидела их совместный поединок воочию — движения обоих были до безумия слаженными.

Любоваться красивыми парнями с мечами — сплошное удовольствие для глаз.

Дюжину ударов спустя дыхание Вэй Усяня слегка сбилось: без золотого ядра его выносливость сильно уступала цзянчэновской, он начал сдавать позиции и все чаще отступать. Лань Ванцзи тихо стоял у кромки бамбуковой рощи, не сводя с Вэй Усяня глаз.

Еще через пару десятков ударов Цзян Чэн резко сменил направление меча, концом клинка уперся Вэй Усяню в плечо и сбавил натиск:

— Тебе нужно подтянуть тренировки. Передохни немного, и повторим.

Вэй Усянь, упершись руками в колени, тяжело отдувался и с жалким видом посмотрел на Лань Ванцзи:

— Лань Чжань, спасай, у меня совсем не осталось сил.

Лань Ванцзи подошел и протянул руку, чтобы вытереть испарину со лба Вэй Усяня.

Цзян Чэн убрал Саньду в ножны и повернулся к младшему поколению, которое вовсю глазело по сторонам:

— Ну что, какие приемы вы только что заметили? Выкладывайте.

Цзин И первым поднял руку и наперебой принялся комментировать увиденное, Сычжуй сразу подхватил, разобрав все по полочкам с завидной четкостью, а Цзинь Лин, подумав с минуту, тоже назвал пару ключевых изъянов. Цзян Чэн каждому указал на ошибки и поправил их — вид у него был строгий, но на редкость терпеливый.

Я подошла ближе и протянула флягу с чистой водой — сначала подала Цзян Чэну, а потом протянула вторую Вэй Усяню:

— Выпейте воды.

Цзян Чэн принял флягу, тихо бросил — спасибо, — и кончики его ушей снова сами собой покраснели.

Вэй Усянь запрокинул голову, осушив полфляги, развалился на плоском камне и завыл:

— Цзян Чэн, давай считать, что я сдался, а? Больше не могу драться.

— Ни за что.

Цзян Чэн наотрез отказался и кинул ему кусок пирожного из лотоса, которое оставил на камне Не Хуайсан:

— Жуй, и продолжаем.

Вэй Усянь подцепил пирожное пальцами и откусил большой кусок: сладко и нежно, вся обида вмиг улетучилась. Он скосил глаза на тихо сидящего рядом Лань Ванцзи, потом на вечно недовольного, но во всем о нем заботящегося Цзян Чэна, а затем на притихших младших адептов — и уголки его губ сами собой дрогнули в улыбке.

И ладно. Раз надо — значит, надо. В компании этих людей все тяготы переносятся не так уж тяжело.

Немного переведя дух, Вэй Усянь поднялся с Суйбянем в руке и громко, с вызовом крикнул Цзян Чэну:

— Еще разок! Выкладывайся на полную!

Среди изумрудного бамбука снова заискрились мечи, зазвучал звонкий смех юношей, стук клинков и шелест ветра в листве. Глядя на эту картину, я вдруг подумала: вдали от всех этих современных офисных будней, каждый день окруженной такими красавцами, да еще когда изредка выдается свободная минутка покоряшечки на кухне — кажется, такая жизнь тоже совсем неплоха!

<http://bllate.org/book/19703/1937813>